

УДК 13+316.722+141[32+78]

**АЛЕН БАДЬЮ: ИСЧИСЛЕНИЕ СОБЫТИЯ
И ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЖИЛЮ ДЕЛЕЗУ**

Пилюгина Е.В.

В статье анализируется ключевой аспект теории события Алена Бадью: понимание социального бытия как события мысли, воплощенного в языке и осуществляемого в обществе через родовые процедуры именования; рассматривается влияние и специфика различных родовых процедур именования события; определяется коннотация и демаркация событийных теорий А. Бадью и Ж. Делеза.

Ключевые слова: событие, событийность, онтология события, родовые процедуры именования события.

**ALAIN BADIOU: NUMERATION OF THE EVENT
AND HIS GILLES DELEUZE'S OPPOSITION**

Pilyugina E.V.

The article examines a key aspect of the theory of the Alain Badiou's event: understanding of social life as an event of thought embodied in language and implemented in society through generic procedure of naming. The article examines the impact and specificity of various generic procedures for event naming, defines the connotation and the demarcation of event theories of Alain Badiou and Gilles Deleuze.

Keywords: event, eventfulness, ontology of event, generic procedures for naming events.

Современная социальная и культурная среда насыщена различными понятиями, терминами, обозначениями, выполняющими уже не только роль ориентации в мире, но и, в определенной степени, деконструкции мира. Такие понятия и термины (дискурс, нарратив, текст, ризома, хаосмос) следует квалифицировать как языковые инструменты, преобразующие социальную

реальность в языковую реальность и, напротив, трансформирующие языковое пространство в социальное пространство. Являясь ноуменами и неся номинативную нагрузку, они выступают и в роли феноменов, потому что их полновесное распознавание происходит в конкретной социальной среде и в конкретное время, через конкретный опыт различных социальных субъектов – и влияет как на действия социальных субъектов, так и на социальную среду в целом.

Ключевая роль среди таких ноуменов/феноменов постмодернистской философией отводится событию. Фактически, все иные термины постмодернистской философии и, шире, постмодернистской гуманитарной науки, в той или иной степени, связаны с концептом «событие», так как фиксируют, прежде всего, событийность постмодернового общества. Дело в том, что в эпоху постмодерна непосредственно само понятие становится событием, и став событием, обнажает реальные события социальной жизни, тождественные данному понятию. И наоборот: обнаружение определенных социальных признаков современности остро нуждается в соответствующих понятиях как кодах расшифровки-дешифровки этих признаков. Определить однозначно, что же что вызывает, едва ли здесь возможно: мы придумываем слова, и обнаруживаем феномены, эквивалентные словам; выявляем новые социальные феномены, которым находим соответствующие названия/обозначения. При этом и социальные феномены, и, тем более, их языковые эквиваленты оформляются в виде «информационных полей» и содержат определенный посыл к конкретным людям, социальным группам, этносам, настоящим и будущим. То есть, выступают как программы. Таким образом, программа порождает программу; в общем-то, программы и нужны, в первую очередь, для того, чтобы с помощью них создавались другие программы. В информационном обществе, каковым является постмодерновый мир, информация производит информацию, а помимо этого, в сущности, ничего нет. Ведь, перефразируя Дж. Беркли, сегодня можно с полным основанием сказать, что «мир – это информация о мире».

Событие как важнейший ноумен и феномен общества постмодерна исследовали различные философы XX – начала XXI века; особо значимыми следует признать теории событийности представителей «французской философской волны» в лице Ж. Делеза, Ж. Бодрийера, Л.Ж. Нанси и А. Бадью.

Проанализируем одну из таких концепций, Алена Бадью, мыслящего событие в контексте онтологии события, а онтологию события – в разрезе математики. При таком подходе математика выступает не в качестве инструмента познания реальности (в данном случае, реальности события), а как собственно бытие – идеальное, ноуменальное, свободное (пока еще) от феноменальных актуализаций, «чистое» бытие в форме языкового/мыслимого события, отличающегося, к тому же, радикальным концептуальным плюрализмом.

Всякую теорию события французский философ квалифицирует не иначе как «онтологию множественного» [6, с. 10], отмечая, при этом, что есть две концепции множественностей: «парадигма жизненной (или животной) множественности» (как у Ж. Делеза) и «парадигма математической множественности», куда себя относит Ален Бадью [6, с. 6]. При этом Бадью отмечает и общие основания всех событийных концепций, утверждая, что вообще вся современная философия, в той или иной степени, занимается проблемами «мысли, имманентной множественному» [6, с. 12], отражая и выражая принципиально плюралистичный, полиморфный, полилогичный современный мир.

Формулируя собственную теорию события, Ален Бадью стремится выяснить, прежде всего, каково соотношение между «чисто событийным внешним характером и полем образов» [3, с. 2], создаваемым нашей мыслью, воображением, то есть, как реальность конкретных событий репрезентируется в мыслимых образах, и как мысленное обозначение («именование») события определяет существование, реализацию реального события как события. В решении этой задачи Бадью манифестирует себя как продолжателя картезианства с его императивом *Cogito*, полагая, что в основе восприятия

событий, а значит и реальной событийности мира, лежат родовые процедуры поименования. Эти родовые процедуры могут быть представлены в четырех измерениях: как «события матемы, поэмы, мысли о любви и изобретенной политики» [2, с. 47] и задача философии, как ее видит Бадью, состоит в том, чтобы «произвести понятийную конфигурацию» [2, с. 55], способную собрать эти родовые процедуры вместе, установить между ними связи, отношения и репрезентации, возможно, знаковую иерархию, чтобы затем «через эти понятия и правила наше время оказалось бы представимо как время когда в мысли имело место то, что никогда прежде места не имело» [1].

Как и Жан Бодрийяр, Бадью выявляет важную тенденцию нашего времени – через трактовку фактов как событий поглощение реального образами реального (Бодрийяр за подобными образами закрепил термин «симулякры» [7; 11]): «как только реальное поймано образом, лишь только схвачено ностальгией фантазматического наслаждения, оно распято, уничтожено». «Образ есть убийство чистого настоящего» (читай: «реального») [3, с. 4]. Но предпосылки этого Бадью находит не в языке, как Бодрийяр или Делез, а в самом мышлении, которое драматически двойственно: с одной стороны, стремится к целостности (родовым понятиям, их активированию в реальности через родовые процедуры, прежде всего, номинативные процедуры, которые лежат в основе математики как воплощения цельности мышления, логики); с другой стороны, мышление стремится к детализации – исчислению, дроблению, порождая фантазмагорические образы, нарушающие и разрушающие целостность родового, вступающие в противоречие с родовыми понятиями. Нельзя в полной мере назвать эти образы проявлением индивидуальности или эмоциональной составляющей человеческой психики; по Бадью, эти образы, в определенной степени, порождены осознанием родового как личного и являются своеобразной «изнанкой» родового в мышлении. Этот процесс образ-ования можно сопоставить с процессом формирования личности – социализации, осознания социального бытия как

собственного, самостного, личного – о-свое-ние бытия. И это есть процесс превращения бытия в событие.

Такое бытие-событие может быть представлено математически: из точки-целостности происходит раздвоение-множественность. Смысл самого мышления – в согласовании/противопоставлении родовой точки и бесконечных личностных (событийных) проявлений родового (воображаемой прямой). То есть, в социальном плане, восприятие явлений и фактов как событий происходит через осознание родовых имен (в том числе, имени «событие») как собственных в призме личностного (в призме «Я») посредством родовых же процедур. Важнейшими из таких родовых процедур Бадью полагает процедуру матемы («чистого», прямого рационального наименования – присвоения имени, номинатива, «номинала» восприятия будущей реальности), процедуру поэмы (наименования контекстуального, через использование распространенных образов и их рационализацию – сведение к родовым), «изобретенную политику» (идеологическое наименование, эксплуатируемое властью, имеющей ввиду определенные социальные цели), и мысли о любви (именование, эксплуатирующее и рационализирующее базовый инстинкт – половой как природную человеческую целостность-двойственность).

Современность постмодерна нарушает и разрушает традиционные границы между этими четырьмя родовыми процедурами. В результате, например, событие власти («изобретенной политики») может предстать как «любовное событие» (история любовных походов президента США Клинтона, активно обсуждаемая обществом и повлиявшая на действия политика) или как поэтическое событие (искусственная драматизация, демонизация или романтизация каких-либо политических явлений, структур, субъектов). С другой стороны, «поэты» (в широком плане как культурные деятели, формирующие родовые процедуры «правильных» образов жизни, литературы, искусства) сегодня нередко предъявляют событие слова как событие власти (в России, например, к таковым могут быть отнесены Э. Лимонов, Н. Михалков и др.). В этом смысле, родовая процедура матемы

наиболее чистая именно потому, что наиболее закрыта от псевдоиндивидуализируемых напластований, не нуждается в дополнительных (личностных) аргументах, затруднена для трансгрессивных вливаний из других процедур. –

Во всех остальных случаях родовое имя скрывается в одеждах образов, эксплуатирует эти образы как величайшие соблазны нашего времени (к ним можно отнести, например, образ демократии, образ свободного искусства, образ сексуальности, и т.д.). Понятийная манипуляция образами, с одной стороны, проецирует дальнейшее тяготение к образам и их акцентирование; препарированные понятиями образы становятся своеобразным наркотиком, отчуждая человека от реальности. С другой стороны, создатели образов – политики, «поэты» – сами оказываются под обаянием создаваемых образов, так как, в конечном счете, и творцам под «одеждами» сотворенных понятий-образов становится трудно распознать реальность. Но при этом, как отмечает Бадью, настоящая, «голая власть, прячущаяся за тонкой пластичностью и соблазнительной непристойностью образов мира демократии и рынка, сама не является образом, а самым настоящим голым реальным, которое, вместо того, чтобы избавить нас от образов, гарантирует их могущество» [3, с. 5]. В результате возникает то, что Бадью называет «порнография власти»: искусственное насаждение виртуальных образов власти, скрывающее реальную власть. Впрочем, и «поэты» передают вовсе не реальные чувства, а образы реальных чувств, и представление о сексуальном в современном обществе (культивируемое масс-медиа) существенно отличается от реального сексуального.

Сегодняшний мир, по Бадью, – мир порнографический, искаженный гипертрофированными псевдореальными образами, в свою очередь подвергнутыми процедурам понятийного обоснования. В результате искусственно насаждаемых образов через их понятийную легализацию (сведение к родовым именам и понятиям) формируется социальный субъект с заданными качествами и рамками. Так, насаждаемые образы либеральной

демократии и свободного рынка, по мысли Бадью, привели к оформлению так называемого «среднего класса», слоя, который просто «упивается товарами и телепортируемыми образами» [3, с. 3]. Родовые процедуры легализуют образы как понятия, и затем такие образы трансцендентируют реальность, сводя все многообразие жизни, прежде всего, социальной жизни, к родовому. Замкнутый круг: от понятий к образам, от образов к понятиям, минуя собственно реальное.

Какой же выход предлагает Бадью? Признать, что кроме того, что есть «тела и языки», которые суть средства и формы производства образов, есть, также, истины, которые суть родовые основания, или «след (trace) события». И «эти знаки-следы связаны с действующей формой, которую мы называем новым телом, которое есть действующая диспозиция следов события» [5, с. 2]. Таким образом, Бадью предлагает дойти до глубинных оснований образов, и даже дальше, выявив то, что находится «по ту сторону расхожего образа», используя при этом, по возможности, новые «имена», понятия: «Самая главная задача философии сегодня – дать новое определение телам, понимаемым как тела истин» [5, с. 2]. Этот призыв, во многом, созвучен установке Жюль Делеза на право (и даже обязанность) современного философа создавать новые концепты, выходить за пределы устоявшихся и закоснелых наименований, препарировать, деконструировать, разрушать старые привычные (нагруженные многочисленными общепринятыми образами и символами) понятия.

Получается, философия призвана, и даже вынуждена стать сегодня наиболее событийной сферой культуры и жизни. Потому что, как заявляет Бадью, «событие обозначает точку разрыва» [1], и эти его заявления согласуются с хайдеггеровским представлением о событии как «прорыва» к бытию и концепцией трансгрессии Ж. Бодрийера. Ведь, событие, прежде всего, революция концептов; вспышка, разрыв, распад, «чистая дискретность» в едином понятийном поле.

Таким образом, общий план онтологии события Алена Бадью следующий: в социальном пространстве события-точки переплетаются, но не в хаотической последовательности, а в последовательности вероятностной,

заданной самим мышлением. Точка разрыва события – это поименование, происходящее в определенной социальной ситуации. Посредством именованья создается пространственно-временной континуум события, имеющий отношение уже не столько к языку, но к самому мышлению. Но мышление воплощается в языке, в концептах, которые становятся номинативными точками бытия, или, точнее, бытия, представленного в мышлении. Таким образом, осуществляется цепочка: родовое бытие-именование (с помощью различных родовых процедур и в определенных социальных ситуациях) – событие. Событийность фокусируется в именах – точках-понятиях, которые являются и фрагментами, и конструктами реальности.

Событие динамично, но при этом сохраняет некую внутреннюю логику, выливающуюся во внешнюю последовательность, поэтому не все, что изменяется, свидетельствует о событийности. Политическое или культурное изменение, даже радикальное, даже динамичное, может представлять собой (и предъявлять нам) лишь симулякр события. И дело здесь вовсе не в необходимой коренной перестройке политической и экономической системы, сопутствующей событию. Как уже отмечалось, событийная ситуация – это ситуация кардинальной смены концептов, понятийная революция. Отсюда, событие – проявления ноуменальной природы в феноменальном ракурсе, процесс феноменализации – феноменальной реализации концептов в мире (в политике, экономике, масс-медиа). То есть, событие – это «поле образов», но образов концептуально оформленных, образов-понятий, создающих определенные социальные ситуации и влияющих на действия социальных субъектов. С другой стороны, в событии происходит *образ-овывание* новых понятий, то есть, оформление понятий в виде образов, коннотация их со значимыми в истории и культуре (человека или народа) образами. Учитывая, что ключевые понятия содержат мессендж некой истины (знаковый посыл к определенным социальным группам), событие предстает как творческая практика по концептуальному оформлению новых истин. «Латентная мощь события» проявляется в способности определенного события производить

новые события, а также, оставлять след в истории – личности, социальной группы, этноса. Серия связанных событий – цепочка следов, определяющих путь личности или этноса в истории. Каждый «след» – точка-истина, а собственно событие – это «условие появления-в ситуации-истины» [1].

Таким образом, событийность – не просто производство новых понятий или образов, но новых взглядов на мир, новых истин. Событие – не то, что происходит, но то, что оставляет след в виде других событий. Дискретные (точечные) истины того или иного события – почки новых событий; распустятся ли эти «почки» в новую событийную цепочку, зависит от внешних обстоятельств и логики развития «корневого» события.

Следует отметить, что событие способно к самоорганизации и, в определенной степени, самодостаточно. То есть, не нуждается в доказательствах собственной событийности извне. Начавшись под влиянием определенных обстоятельств и, возможно, стимулированное определенными социальными силами, событие рано или поздно вырывается из-под давления этих сил, продолжая при этом развиваться, производить дочерние события уже вне компетенции этих сил и за пределами вызвавших событие обстоятельств. «Кто сможет заглушить событие, с которого начнется новая игра?» [4, с. 277] – риторически вопрошает Бадью. Ведь, фактически, событие становится единственной значимой *раз-личимой* социальной реальностью. И тогда начинает «свою игру».

Событие внешне связано с другими событиями, но внутри себя дискретно. Бадью представляет событие как «множество точек-истин», где каждая «точка» «это момент, который истина должна выдержать безо всяких гарантий» [2, с. 48]; априорная, императивная точка-истина, позволяющая человеческому сознанию схватить, удержать в себе непрерывно меняющийся мир, организовать хаос, оформить хаос в некую последовательность. В политике, обыденной жизни эти понятийные точки воспринимаются как непреложные истины, и только философия – эта самая абстрактная человеческая область культуры – ориентируется на реальную

процессуальность («волнообразность») понятий. Воспринимая понятия не как точки, а как множества («отрезки»), бесконечно дробя понятийные «отрезки», и тем, самым, производя новые понятия, философия выступает мощным стимулом концептуальных революций – и событийности как таковой. Именно поэтому современные философы, в том числе, А. Бадью так высоко (и прагматично) оценивали сегодняшнюю роль философии, состоящую, в том числе, чтобы «осмыслять современное пере-открытие возможности политики, исходя из смутных событийностей» [2, с. 48].

Но сегодняшний мир наполняется уже не столько реальными событиями, сколько псевдособытийностью; Бадью отмечает, что «каждый из нас не без тревоги ощущает, что происходящий распад не приносит с собой ничего нового» [4, с. 272], что все это с нами уже было. Разветвившееся, раздробившееся в понятиях и именовании событие отрывается от своих корней (реальных фактов и родовых процедур, произведших на свет данное событие); окончательно переходит в разряд языка, но не языка, связанного с мышлением, отражающего поиск истин, а языка, вырвавшегося за границы мышления, довлеющего над мышлением, языка, ставшего в определенной степени свободным от мышления (от логических и этических установок-ограничений), заставляющего помыслить то, что и помыслить ранее было невозможно. Событие забалтывается, нивелируется его какое-либо отношение к реальности; но при этом событие никогда не теряет свои коммуникативные свойства, более того, становится едва ли не единственным средством коммуникации и самоидентификации социальных субъектов в нашем мире. Отношение к тому или иному событию определяет место в социальной стратификации, хотя само событие уже не определяет ничего.

Событие у А.Бадью предстает как «единичное во множественном». (У Ж. Делеза – как «множественное в единичном»). Учитывая, что сам Бадью уделил много внимания демаркации собственной теории события и концепции событийности Делеза, и мы не можем обойтись без сопоставления обеих концепций, отметив, что отношения между подходами двух французских

философов-разработчиков теории событийности больше похожи на «парадоксальный тандем» [6, с. 13], что отмечал и сам Бадью.

Французский философ-постмодернист Жиль Делез оформляет свою концепцию события в призме императива множественности бытия как события. Но при этом вовсе не ратует за хаотичную равномерность социального пространства, как иногда может показаться: его хаосмос, и мир-ризома принципиально иерархичны благодаря разнообразию и разнородности входящих в глобальную суперсистему элементов-систем. Сущность этой системы в том, что входящие в нее элементы имеют равное право на существование и развитие, занимают *равнозначное* место, будучи сами не равнозначными. Истинный полилог уже предполагает неравновесие участвующих в полилоге, а, значит, предопределяет разные перспективы и возможности участников. Сингулярность выражается не столько в самих участниках поли-бытия, сколько в тех связях, которые они могут создать и в тех состояниях (ситуациях) системы-ризомы, которые могут возникнуть в результате этого; но каждая ситуация характеризуется довольно четкой и опосредованной иерархией входящих элементов [10].

Это отмечает, анализируя концепцию Делеза, Бадью: «Мысль (у Делеза) существует лишь в иерархизированном пространстве. Ибо для того, чтобы индивид добрался до точки, где им овладевает его доиндивидуальная детерминация,... необходимо, чтобы он выходил за пределы себя, чтобы он сносил то, что его актуальность пронизана и разрушена бесконечной виртуальностью, которая есть его истинное Бытие. А индивиды неодинаково способны на это» [6, с. 21].

Можно согласиться с Бадью, что заявленное Делезом противостояние как единому, так и множественному, в реальности невозможно (а делезовский хаосмос – несомненная реальность); фактически, это противостояние выглядит как симулякр, скрывающий вполне реальное тяготение к единству, к преодолению постулируемой множественности. Делез заменяет ризомой субстанцию, но его ризома – это новая субстанция, а не хаотичная

совокупность монад, в определенной степени, это конфедерация монад, но такая конфедерация, которая тяготеет к превращению в федерацию, а не к распаду. Потому что «вещи не равны в этом равном Бытии» [9, с. 56]. То есть, согласно Бадью, Делез мыслит бытие как всеобщность, состоящую из разнообразных и неравновесных множественностей. Следует лишь уточнить, что на пути от множественности к всеобщему у Делеза и происходит конституирование бытия как события.

В то же время трудно согласиться с Бадью, что, в конечном счете философия Делеза – философия смерти: если «могущественная неорганическая жизнь есть основание как для того, что помещает меня внутрь моих пределов так и для того, что призывает меня, в той мере, в какой я завоевал над ними власть, к их преодолению; то в этом случае, мысль как событие метафорически представлена умиранием как имманентным моментом жизни [6, с. 22]. Хотя бы потому, что смерть упорядочивает – как органическое, так и неорганическое; смерть, несомненно, множественность, возможно чистая множественность (в отличие от жизни как таковой, которая осуществляется в драме амбивалентности множественности-единого), но это упорядоченная, статичная множественность, окончательное и бесповоротное разложение на части, имеем ли мы ввиду органическую, неорганическую или социальную среду. Смерть – разрыв связей, а Делез именно на связях акцентирует. Выступая продолжателем бергсианства (что сам французский философ подчеркивал), Делез констатирует жизнь не как хаос, а как симулированный мышлением, языком, социальностью хаос, иногда псевдоупорядоченный, ситуативный, спонтанный, но всегда имеющий преамбулой социальные сингулярности, которые приобретают форму концептов и выражаются в языковой форме. Поэтому философия события Делеза видится как философия жизни, хотя, возможно, жизни в предвосхищении грядущей смерти.

Согласно Бадью, наше «столетие было онтологическим» (XX век). Это предназначение, по его мнению, куда более существенно, чем «лингвистический поворот, который ему приписывают» [6, с. 12]. Некоторыми

представителями современной гуманитарной науки лингвистика стала квалифицироваться как онтология; с этой позицией и борется Бадью (фокусируя ее в концепцию Делеза), полагая, что онтологией может быть лишь математика, как воплощение предельных оснований мышления, и суть не в языке или некоторых звуковых сочетаниях-словах, а в мыслимых концептах-точках как предельных основаниях бытия.

Постмодернизм в целом Бадью позиционирует как разновидность («одно из возможных названий») «демократического материализма», которому он противопоставляет собственный подход – «материалистическую диалектику» [6, с. 9]. Свое противостояние с постмодернизмом Бадью обозначает как «философия истинностного события против постмодернистской философии» [6, с. 10]. Но, похоже, противостояние иллюзорное, ведь даже просто интерес к теме событийности, активизация которого связана как раз с постмодернизмом, делает неизбежной маркировку концепции А.Бадью как постмодернистской.

Что касается Делеза, то для него приписывание определенных качеств (свойств) реальности посредством придания логики смысла и есть процесс придания событийности тем или иным фактам, явлениям. Так происходит конструирование событий с помощью логики, но это не столько логика формирования концептов, сколько логика воплощения концептов в языке и затем формирования социальной реальности с помощью языковых инструментов. Язык является средством создания (формулирования, денотации) событий, то есть конструирования и деконструирования социальной реальности посредством вычленения и расчленения ее на события. Различие концепций Делеза и Бадью видится в том, что у Делеза событийные свойства языка и мышления соизмеримы и созвучны, может быть, и вообще тождественны. Тандем язык-мысль Делез не расчленяет: есть единое бытие, представляемое в множественных формах (именах, придаваемых как языком, так и мышлением), но и мышление, и язык тяготеют к обнаружению, воссозданию, воплощению единства бытия. Для Бадью же очевиден

возможный, и даже вероятный, диссонанс между мыслью и словом, который он решают в пользу мысли.

В концепции Делеза большое значение имеет идея о сверхсобытийности современного общества, стимулированной неконтролируемым размножением слов. В этом случае только субъект вправе волевым усилием прервать (остановить) «размножение» слов-событий; это значит – прервать, закончить серию (иногда, «на самом интересном месте», в этом случае событие особенно запомнится, то есть, будет способно порождать следующие смыслы-интерпретации-события-серии). Прерываясь, событие приобретает законченность, завершенность – и незавершенность одновременно, запускает процесс сериальности. Сам Делез об этом говорит так: «Парадокс стерильного раздвоения, или сухого повторения... нужно зафиксировать предложение, изолировать его и удерживать в этом состоянии столь долго, сколько нужно, чтобы можно было выделить его смысл - тонкую пленку на границе вещей и слов» [8, с. 50].

События связаны как серии событий, причем некоторые серии происходят одновременно: хорошая история содержит в себе целый океан историй. То есть, одновременно может быть сконструировано несколько образов одного события, несколько маркировок каждого из образов и самого события и даже несколько образов и маркировок целой серии событий – ситуация «размноженной событийности». Проблема в том, чтобы определить, какие серии настоящие, а какие еще только будут, или уже прошли, то есть существуют виртуально как «память события» или прогноз события.

В концепции Делеза событие – последовательное наполнение содержанием (именами) «пустого места», «идеального события»-знака. Не любой факт может быть квалифицирован как событие, а только тот, кто в себе уже содержит знак события – невыраженную неопределенность, приобретающую окраску в зависимости от связи (слов в предложении, фактов в реальности, аналогичную слову «это», «вещица» и т.д.). Маркировка события производится самим социальным субъектом на основе его собственной

событийности (потому что субъект и производное событий, и сам может быть квалифицирован, под определенным углом, как событие).

Делез отказывается от «строгих» концептов, наделяя концептуальностью, в принципе, любое слово (пример – введенный им термин «ризом»), такая «контекстная концептуальность». Верный себе, Делез находит смыслы не в понятиях, а в их «зеркальных отражениях» – именах понятий, обозначениях понятий. Понятие и обозначение понятия – вовсе не одно и то же, как и понятие и знак понятия, понятие и имя понятия, что Делез убедительно доказывает, разбирая язык произведений Л. Кэрролла. Событийность зиждется на многочисленном и, даже, в определенном смысле, бесконечном обозначении, наделении именами понятий и вещей (именовании); причем, за всеми этими обозначениями и именами может теряться (растворяться) как изначальное («родовое») понятие, так и, тем более, обозначаемая вещь. В результате, наименование вещей (денотация) выглядит как отдаление от реальности, от реальных вещей, а обозначение понятий (сигнификация и манифестация) – удаление от родового понятия, то есть, интерпретация интерпретаций, нередко даже игра словами, приобретающая чисто номиналистский или метафизический смысл. Для Бадью же родовое никогда полностью не растворяется в процессе наименования, оно, если можно так выразиться, «просвечивает» через любые обозначения родового (понятия), проскальзывает в любых именах, или точнее, «выпадает в осадок» – то, что выпадает и есть родовое; оно реально и нереально одновременно: реально поскольку влияет на реальность, нереально, поскольку свидетельств о его существовании нет – только *о присутствии* в социальной реальности.

Итак, Жиль Делез представляет событие как множественную сингулярность, реализуемую через внутреннюю целостность, но не цельность; целостность синонимична связи (событий), то есть, сама связь приобретает онтологический статус; выявляется взаимная референция онологического-логического («тела и языки»): событие – бытие понятий, концептов, превращаемое в *бытие сущностное* – бытие сущностей (как социальных

субъектов). Через денотацию, манифестацию и сигнификацию посредством языка социальные «тела» (социальные субъекты, социальные факты и явления) наделяются смыслами. Событие - это, прежде всего, событие языка; языковое событие есть без-гранич-ный (но не бес-конеч-ный) множественный пространственно-временной континуум. Пространство события ризоморфно, то есть выглядит как непрерывно и спонтанно развивающаяся («во все стороны») динамичная среда, «паутина событий»; время складывается из дробящегося настоящего (Хронос) и непрерывного прошлого-будущего (Эон); такое наложение двух темпоральных исчислений событий обеспечивает их связность и локализацию одновременно.

У Бадью событие четко и определенно локализовано как во времени, так и в пространстве – локализовано собственным именем: «именование или наименование события – это то, посредством чего событие входит в ситуацию...» [2, с. 56] и «Имя события избавлено от означивания, но не от локализации» [2, с. 57]. Вне имени событие существует лишь потенциально, актуальность(феноменальность) событию придает имя, имя овременняет события, то есть обеспечивает его актуальность именно в это время, локализует событие в этой временной точке. То есть, если в «корпускулярно-волновой» природе события Делез акцентировал волновую – сериальную составляющую, то для Бадью значимее точки-истины внутри события как корпускулы его будущих реализаций. Поэтому, событие – множественность, но не столько актуальная, феноменальная, а, скорее, потенциальная понятийная. Как событие предстанет «здесь и сейчас» суть не важно, или не настолько важно, главное, что событие в себе содержит, какие возможности реализаций. Реализация же событий происходит через имена – здесь очевидна коннотация с идеями Делеза. Но, в отличие от Делеза, для Бадью событие (по крайней мере, наиболее значимая его часть) происходит вне времени и вне пространства, или, точнее, вне реального времени и вне реального пространства, в некой идеальной (математической) данности, умопостигаемой и реализуемой через инструмент мысли и (только в определенной степени) языка.

В результате процедуры математизации события в его ноуменально-феноменальной природе Бадью акцентировал ноуменальную составляющую (в отличие от Делеза, стремящегося помыслить событие в обоих ипостасях сразу). При этом событие квалифицируется не столько качественно (снова в оппозиции Делезу), сколько количественно; *исчислением* события становятся точки-истины, проявляющиеся в процессе понимания/мышления, осуществляемому с помощью родовых процедур («Овременяют только истины» [2, с. 55]. Больше истин в событии – более полновесное исчисление (понимание) события-большая значимость и актуальность события.

Список литературы:

1. Бадью А. 19 ответов на много большее число возражений. [Электронный ресурс] // Ежедневные новости искусства. Art.info [сайт]. 2014. URL: <http://goo.gl/voQPSv> (дата обращения: 18.08.2014)
2. Бадью А. Манифест философии. СПб.: Аксиома, 2003.
3. Бадью А. Порнография настоящего [Электронный ресурс] // Tumblr [сайт]. 11 July 2013. URL: <http://la-propagande-du-quotidien.tumblr.com> (дата обращения: 18.08.2014).
4. Бадью А. Тайная катастрофа. Конец государственной истины // Социологос (альманах): Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2002. С. 269-289.
5. Бадью А. Тела, языки, истины [Электронный ресурс] // Скепсис. Научно-просветительский журнал [сайт]. 2006. URL: http://sceptsis.net/library/id_1974.html (дата обращения: 18.09.2014).
6. Бадью А. Делез. «Шум бытия». М.: Прагматика культуры, Логос-Альтера, 2004. 184 с.
7. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция [Электронный ресурс] // «Живой Журнал» Exsistencia.livejournal.com [блог]. 21 декабря 2012. URL: <http://exsistencia.livejournal.com/9726.html> (дата обращения: 18.09.2014).

8. Делёз Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum philosophicum*. М.: Раритет, 1998. 480 с.
9. Делез Ж. Различие и повторение. Спб.: Петрополис, 1998. 384 с.
10. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Тысяча плато. М.: АСТ, 2010. 895 с.
11. Baudrillard J. *Simulacres et Simulation*. P.: Galilée, 1981.

Сведения об авторе:

Пилюгина Елена Владимировна – кандидат философских наук, директор представительства Российского нового университета (Москва); доцент кафедры общеобразовательных и гуманитарных дисциплин Железногорского филиала Московского психолого-социального института; докторант Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия).

Data about the author:

Pilyugina Elena Vladimirovna – Candidate of Philosophical Sciences, Director of Representation, the Russian New University (Moscow); Associate Professor of General Education and Humanitarian Disciplines Department, Zheleznogorsk Branch of the Moscow Psihologo-Social Institute; doctorate of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

E-mail: elenavpilugina@yandex.ru.